

А. Д. ПАНТЕЛЕЕВ

*АКТЫ МАКСИМИЛИАНА: ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ**

Во II–III вв. среди христиан велась оживленная дискуссия об отношении к воинской службе вообще и римской армии в частности. Возможно ли служить, нужно ли соблюдать воинскую дисциплину, которая заставляла принимать участие в казнях и участвовать в языческих церемониях и праздниках, как соотносятся война земная и «война духовная» — вот лишь малая часть вопросов, которые интересовали христианские общины¹. Эти споры нашли отражение не только в трудах Тертуллиана, Оригена, Киприана и других отцов Церкви или «Правдивом слове» Цельса, но и в агиографических текстах, прежде всего, так называемых военных мученичествах. Одно из таких небольших, однако крайне интересных сочинений — «Акты Максимилиана» (VHL, 5813) — мы и предлагаем вниманию читателя. Этот текст давно привлекал внимание историков, филологов и теологов. Некоторыми исследователями он рассматривался едва ли не как манифест раннехристианского пацифизма, и в самом деле, он играет важную роль при изучении этой проблемы, но его ценность этим не ограничивается: «Акты Максимилиана» — важный источник для исследования

---

* Перевод и исследование выполнены при поддержке РФНФ, проект № 11-31-00342а2 «Комплексное изучение раннехристианской агиографической литературы (II–IV вв.)». Мы выражаем благодарность А. С. Васильеву за помощь в переводе с итальянского языка.

¹ Пантелеев А. Д. 1) Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Выпуск 3. СПб., 2004. С. 413–428; 2) Христиане и римская армия в первой половине III в. // Мнемон. Вып. 11. СПб., 2012. С. 329–350.

как возникновение и эволюции культа святых, так и некоторых реалий римской армии. Особо хотелось бы отметить, что в последнее время появилось несколько важных работ, посвященных этому тексту, в которых ставятся вопросы о времени создания и подлинности этого текста, и мы постараемся показать, что нового они внесли в изучение «Акт».

12 марта 295 г. в африканском городе Тевесте на суд проконсула Диона были приведены некий Фабий Виктор и его сын Максимилиан². Максимилиан ответил отказом на требование проконсула назвать свое имя и поступить в римскую армию, ссылаясь на то, что он христианин. Тем не менее, проконсул приказал измерить его рост и подготовить для него *signaculum* — пластинку, которую военные носили на шее. Максимилиан продолжал настаивать на том, что он не может стать солдатом, и не поддавался ни на уговоры, ни на угрозы Диона. Не помогло и обращение к его отцу — тот сказал, что его сын сам знает, что лучше для него. В итоге, имя Максимилиана было стерто с пластинки, а сам он приговорен к отсечению головы. Несмотря на кажущуюся простоту этой истории, она не так незамысловата и прозрачна, как может показаться на первый взгляд.

Начнем с Фабия Виктора, отца Максимилиана. Мы ничего не знаем о его происхождении: он мог быть как романизированным бербером, так и римлянином. Так как он жил не в самом городе, а в какой-то деревне у Тевесте, то более вероятен первый вариант; то, что Максимилиану отсекают голову, а не предают какой-либо позорной казни, не может свидетельствовать о его римском происхождении³. Фабий Виктор был *temonarius*, чиновником, который должен был обеспечить либо необходимое число рекрутов для армии, либо доставить определенную сумму денег вместо них;

² Тевеста — современная Тебесса (Алжир). Во времена Диоклетиана, незадолго до 295 г., она была передана из Нумидии в состав Проконсульской Африки, подчинявшейся проконсулу в Карфагене (Romanelli P. Storia delle province romane dell’Africa. Roma, 1959. P. 518).

³ Brock P. Why did St. Maximilian refuse to serve in the Roman Army? // Journal of Ecclesiastical History. 1994. Vol. 45. P. 195.

привилегированные лица избавлялись от этой повинности⁴. Добровольный наем на военную службу в то время стал редкостью и из-за демографических проблем, вызванных эпидемиями и войнами середины III в., и из-за нежелания проливать кровь вдали от родины ради непонятных целей, и из-за общей нелюбви к армии, — а необходимость в пополнениях возрастала. *Темонарий* отвечал за определенное количество рекрутов, выставляемых группами мелких землевладельцев, и, не имея возможности найти другого юношу или требуемую сумму, Виктор зачем-то привел своего сына; сложно сказать, в чем состоял его замысел — ведь ничто не заставляло темонария отдавать в армию сына. Он уже тогда знал о том, что Максимилиан никогда не станет римским солдатом⁵. Почему он не захотел просто подвернуться наказанию за невыполнение обязанностей? А. Гарнак полагал, что Виктор был воином-ветераном, от которого требовалось отдать своего сына в армию⁶; в наше время этого взгляда придерживается П. Мараваль⁷. Это позволяет внести какую-то ясность в суть происходящего, так как сыновья ветеранов автоматически подлежали призыву; однако, текст «Акт» ничего не говорит о том, действительно ли был Виктор ветераном, и ряд ученых оспаривают это предположение Гарнака⁸.

Не так давно появилась статья К. Цукермана, который, кажется, смог объяснить происхождение этой неразберихи.

⁴ Иногда для обозначения этих чиновников использовался термин *capitularius*.

⁵ Helgeland J. Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1979. Tl. II. Bd. 23.1. P. 778.

⁶ Harnack A. *Militia Christi. Die Christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten*. Tübingen, 1905. S. 84.

⁷ Maraval P. *Les Persécutions durant les quatre premiers siècles du christianisme*. Paris, 1992. P. 103.

⁸ Durry M. *Vocabulaire militaire. Praepositus* // *Mélanges de philologie, de littérature et d'histoire anciennes offerts à Alfred Ernout*. Paris, 1940. P. 129–133; Siniscalco P. *Massimiliano: un obiettore di coscienza del tardo impero*. Torino, 1974. P. 11; Helgeland J. *Christians and the Roman Army...* P. 778.

Анализируя законодательство о призыве в IV в., в отдельном приложении, посвященном «Актам» он показал, что в них нашли отражение два различных варианта призыва в римскую армию⁹. Во времена Диоклетиана и Константина в армию призывались сыновья ветеранов (CTh, 7, 22, 1), и именно поэтому Виктор привел сына¹⁰. В 370 г. Валент изменил законодательство с тем, чтобы распределить набор рекрутов или взнос необходимой суммы среди всех налогоплательщиков, организованных в товарищества (CTh, 7, 13, 20), и только в 375 г. были назначены ответственные за исполнение этого закона — те самые *temonarii* (CTh, 7, 13, 7); в предшествующее время этот термин не используется нигде, за исключением «Актов Максимилиана»¹¹. Т. Д. Барнс замечает, что этот анахронизм свидетельствует о том, что через столетие после описываемых событий «Акты» подверглись редактуре¹².

Фабия Виктора и Максимилиана приводят на суд проконсула. В чем точно состоял предмет разбирательства, определить затруднительно — введение к «Актам» слишком кратко и туманно; возможно, часть вины лежит на редакторе, который не смог создать внятную картину происходящего даже для себя. Процесс начался с выступления некоего адвоката Помпеяна, причем из текста неясно даже, какую из сторон он представлял; больше в «Актах» он не упоминается. А. А. Р. Бастиансен считал, что он защищал Виктора — адвокат стремился оправдать отца, доказав, что вся вина лежит на сыне, и потому ему не поздно взять свой

⁹ Zuckerman C. Two reforms of the 370's: recruiting soldiers and senators in the divided Empire // *Revue des études byzantines*. 1998. Т. 56. Р. 138.

¹⁰ Таким образом в армии оказался св. Мартин: «Когда императором был обнародован эдикт о том, что сыновья ветеранов приписываются к воинам, клопотами отца, весьма недовольного его успешными духовными подвигами, в возрасте пятнадцати лет стал Мартин связанным военной присягой» (*Vita Mart.*, 2, 5; пер. А. И. Донченко).

¹¹ Иную трактовку римских законов о призыве на военную службу предлагает А. В. Банников: Банников А.В. Вегеций о системе комплектования римской армии // *Мнемон*. Вып. 13. СПб., 2013. С. 263–276.

¹² Barnes T. D. *Early Christian hagiography and Roman history*. Tübingen, 2010. P. 380–381.

отказ от призыва назад¹³; Т. Д. Барнс, наоборот, полагает, что Помпеян был *advocatus fisci* и представлял интересы имперской администрации¹⁴. Очевидно, что дело связано с призывом Максимилиана, но был ли обвиняемым Виктор, не сумевший обеспечить призыв рекрута, или годный рекрут Максимилиан, не желающий служить императору, ибо он уже служит Христу, не совсем ясно. А. А. Р. Бастиансен полагает, что, по мнению Диона, виновны были и отец, и сын, и допрос, проведенный проконсулом, был направлен на то, чтобы определить степень вины каждого — на это указывают его вопрос Максимилиану «Кто тебе это внушил?» и призыв к Виктору убедить сына¹⁵.

Дион говорит Максимилиану: «Служи и прими знак (*signaculum*) воина». Тот ответил: «Не приму этого знака (*signaculum*). У меня уже есть знак (*signum*) Христа, Бога моего» (Acta Maximil., 2, 4). По общему мнению комментаторов, здесь речь идет о свинцовой табличке с именем воина, которую вешали солдату на шею — что-то вроде современных военных жетонов или медальонов. Так это место понимают Р. Кагнат, Г. Музурилло, А. А. Р. Бастиансен, Р. Дэвис¹⁶. Проблема в том, что это — единственное упоминание такой практики в римской армии. М. Стилл в своем исследовании, посвященном римским свинцовым печатям и пломбам, указывает на то, что у нас нет ни упоминаний о таких печатях, ни их находок — а в том случае, если бы они существовали, то должны были быть широко распространены (в каталоге Стилла приведено почти 2 тысячи печатей различного вида, но нет ничего похожего на то, о чем говорят «Акты»)¹⁷.

¹³ Atti e passioni dei martiri / Ed. A. A. R. Bastiaensen. Vicenza, 1987. P. 491.

¹⁴ Barnes T. D. Early Christian hagiography and Roman history. P. 381.

¹⁵ Попытка образумить мученика при помощи уговоров его близких — распространенный сюжет в агиографии. Укажем на «Мученичество Перепетуи» (6, 5) или «Акты Филеаса» (3). Таким же общим местом являются призывы к мученику задуматься о его молодом возрасте.

¹⁶ Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. Paris, 1914. P. 365; Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. Oxford, 1972. P. 247; Atti e passioni dei martiri. P. 492–493; Davies R.W. Service in the Roman Army. Edinburgh, 1989. P. 14.

¹⁷ Still M. C. W. Roman Lead Sealings: Diss. Vol. 1. London, 1995. P. 112–114.

При большой численности римской армии это был бы крайне массовый материал. Вегетий говорит о том, что новобранцы получали особые знаки, но он имеет в виду точьки, выжигаемые на теле воинов (Veg. Ep. R. Mil., I, 8; II, 5). Д. Вудс указывает, что практика использования таких свинцовых печатей может быть соотнесена с более поздним временем, а именно, появлением арабов в Месопотамии и Египте в VIII в.¹⁸ Такие печати использовались для учета *jizya*, подушного налога, платившегося не-мусульманами, и автор или редактор «Акт» мог перенести их в текст точно так же, как до того он перенес сведения о темонариях.

Как мы уже сказали, этот текст привлекает внимание исследователей как одно из ярких свидетельств пацифизма в древней Церкви. Максимилиан едва ли не десять раз отказывается служить, так как он христианин, при этом мученика приговаривают к казни не за исповедание христианства, а за то, что он отказался от воинской службы и ослушался проконсула. Приговор Диона гласил: «Поскольку Максимилиан из-за неповиновения властям отвергнул военную присягу, он приговаривается к казни мечом». Почему же он отказался служить? Не так давно появилась статья П. Брока, в которой были рассмотрены мнения предыдущих исследователей и предложен свой вариант ответа на этот вопрос¹⁹. Первая группа теорий видит причину поведения Максимилиана в нежелании совершить идолопоклонство. Так, В. Сестон полагает, что причиной казней военных-мучеников в конце III в. был отказ от почитания языческих богов, в данном случае — отказ от той самой свинцовой таблички, на которой, возможно, были изображены императоры²⁰. Вопросы о *signaculum*

¹⁸ Woods D. St. Maximilian and the Jizya // Hommages à Carl Deroux. Vol. V: Christianisme et Moyen Âge, Néo-latin et survivance de la latinité. Brussels, 2003. P. 266–276.

¹⁹ Brock P. Why did St. Maximilian refuse to serve in the Roman Army?

²⁰ Seston W. A propos de la Passio Marcelli Centurionis. Remarques sur les origines de la persécution de Dioclétien // Aux sources de la tradition chrétienne. Mélanges offerts à Mourice Goguel. Paris, 1950. P. 239–246.

мы уже коснулись, кроме того, очевидно, что Максимилиан принял решение не служить еще до того, как Дион приказал ему принять эту табличку; в их диалоге основной предмет обсуждения — военная присяга. На присягу императорам (*sacramentum*) как камень преткновения указывают Ф. Дольгер, А. Коломбо и Дж. Хельгеленд²¹. Ф. Бабут видит причину в ритуале *adoratio*, преклонения колен перед императором и целования его одежды; этот обычай был заимствован из Персии. Христианин не мог оказывать такие почести живому человеку²². Однако у нас нет никаких свидетельств того, что *adoratio* создавало какие-то проблемы для христиан при дворе, а Константин, став императором, сохранил этот обычай. Иногда поведение Максимилиана пытаются объяснить его принадлежностью к группе неортодоксальных христиан, склонных к такого рода радикализму. Дж. Крешенти считает, что Максимилиан был монтанистом, но это предположение не имеет в тексте «Актов» никаких оснований²³.

В ответ на недоумение Диона: «В личной гвардии (*sacer comitatus*) господ наших Диоклетиана и Максимиана, Констанция и Максима, есть солдаты-христиане, и они служат» (Acta Maximil., 2, 9), Максимилиан ответил: «Они знают, что для них лучше. Я же христианин и не могу творить зло (*non possum mala facere*)», а когда проконсул спросил, что за зло творят те, кто служит, сказал, что тот сам знает²⁴. С I в. н.э. слово *comitatus* означало эскорт, следовавший за императором, а при Северах его, как и все, что было

²¹ Dölger F. J. *Sacramentum militiae. Das Kennmal der Soldaten, Waffenschmiede und Wasserwächter nach Texten frühchristlicher Literatur // Antike und Christendom. Bd II. Münster, 1930. S. 268–269; Colombo A. La problematica della guerra nel pensiero politico cristiano (dal I al V secolo). Milan, 1970. P. 89–90; Helgeland J. Christians and the Roman Army... P. 779.*

²² Babut E. C. *L'adoration des empereurs et les origines de la persécution de Dioclétien // Revue Historique. 1916. T. 4. P. 225–252.*

²³ Crescenti G. *Obiettori di coscienza e martiri militari nei primi cinque secoli del cristianesimo. Palermo, 1966. P. 88, 221.*

²⁴ Сульпиций Север, автор уже упомянутого «Жития Мартина», особо отмечает: «Мартин пребывал... незапятнанный теми пороками, которыми обычно грешат люди подобного звания» (2, 6).

связано с императорской семьей начали называть *sacer*, «священный»²⁵. О христианах-воинах при дворе императора сообщают Лактанций (Lact. De mort., 10) и Евсевий (Euseb. HE, VIII, 1, 7; 4, 2), причем из слов последнего следует, что их там было немало. Диалог Диона с Максимилианом явно свидетельствует о том, что в армии нет никаких антихристианских гонений, и в самом деле, Диоклетиан начнет их лишь спустя несколько лет — в 297 или 299 г.²⁶

Сам Максимилиан объясняет свою позицию так: «Я же христианин и не могу творить зло». Все, что можно извлечь из ответов Максимилиана на вопросы проконсула о причинах его нежелания служить, сводится к следующему: Максимилиан не будет служить этому миру, так он по призыву души служит Богу, и, приняв крещение, он не присягнет императорам и не будет творить зло. Все, что нам остается — задуматься вслед за Дионом о причинах такого поведения. Л. Свифт замечает, что невозможно точно сказать, идет ли здесь речь о пацифизме и нежелании проливать кровь²⁷, или имеется в виду те преступления, которые творили солдаты (грабеж, вымогательство и т. п.)²⁸. Некоторые ученые полагают, что причиной нежелания Максимилиана служить был именно пацифизм²⁹; особо нужно выделить

²⁵ Подробнее о *sacer comitatus* при Диоклетиане см.: Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005. С. 164–166.

²⁶ Woods D. Two Notes on the Great Persecution // Journal of Theological Studies. 1992. Vol. 43. P. 128–131; Burgess R.W. The Date of the Persecution of Christians in the Army // Journal of Theological Studies. 1996. Vol. 47. P. 157–158.

²⁷ Подчеркнем, что основная проблема для Максимилиана — присяга императору и служение «этому миру», а не собственно пацифистские взгляды и нежелание носить оружие. В отличие от нашего текста, в «Актах Марцелла» мученик, бросивший на землю свой пояс и меч перед строем легионеров, заявляет: «Не подобает христианину, сражающемуся за Христа, своего Господа, сражаться за войско этого мира» (Act. Marc. 4, 3).

²⁸ Swift L. J. War and the Christian Conscience I: The Early Era // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1979. Tl. II. Bd. 23.1. P. 862–863.

²⁹ Battifol P. Les premiers chrétiens et la guerre // Revue du clergé français. 1911. T. 67. P. 234; Delehaye H. Mélanges d'hagiographie grecque et latine. Brussels, 1966. P. 268, 375–383; Brock P. Why did St. Maximilian refuse to serve in the Roman Army? P. 200–209.

уже упоминавшееся исследование П. Синискалько, где этот мученик вписывается в контекст североафриканского христианства, а его неприятие воинской службы оказывается продолжением линии Тертуллиана и Киприана; к этой точке зрения склоняется и П. Брок³⁰. Слова Максимилиана находятся в русле идей Тертуллиана и Киприана: «Не согласуется Божья присяга с человеческой, знак Христа — со знаком дьявола, воинство света — с войском тьмы. Нельзя, имея одну душу, обязываться двоим — Богу и цезарю» (Tert. De idol., 19); «Рука, после принесения Евхаристии, не осквернится мечом и кровью» (Cypr. De bon. pat., 14). Максимилиан был не «одиночкой», но членом своей общины и отражал ее настроения по отношению к призыву, римской армии и империи в целом; в качестве доказательства этого приводится то, что после казни его тело было выкуплено и похоронено в Карфагене рядом с Киприаном. Эти настроения были известны и проконсулу, спросившему: «Кто тебе это внушил?» Наконец, его отец разделяет настроения сына, отказываясь убедить его даже не отступить от христианства, а вступить в войско; то, что ответ Фабия Виктора носит достаточно обтекаемый характер, так же может свидетельствовать о продолжении линии Киприана в вопросе об избегании добровольного мученичества.

В свою очередь, мы рискуем высказать предположение о том, что такая краткость ответов Максимилиана была вызвана тем, что он был полностью уверен в правильности своего поведения, но не мог толком его аргументировать; он действовал в соответствии с тем, чему его учили священник и отец, не особенно задумываясь о деталях. Когда Дион указал ему на христиан в императорской гвардии и спросил, что плохого они делают, реплика Максимилиана «Сам знаешь» была не дерзостью, а по сути, уходом от ответа. Максимилиана сложно назвать человеком, искушенным в теологии или риторике: те немногие его слова, параллели которым можно найти в Писании, в этом не нуждаются —

³⁰ Siniscalco P. Massimiliano: un obiettore di coscienza del tardo impero.

намного проще предположить, что он услышал их во время службы или проповедей. Если бы Максимилиан захотел обосновать свои взгляды, у него были все возможности для этого. Вспомним, что это их первая встреча. В отличие от других историй мучеников, где протокол допроса отражал только последнюю беседу христианина и судьи, позиция Максимилиана изначально была неизвестна проконсулу. Дион не испытывает ненависти к христианам — он спокойно говорит об их присутствии при дворе, не собирается сразу рубить ему голову и пытается в беседе образумить его, но все безуспешно.

Особо отметим переключку слов Виктора о Максимилиане «Он сам знает, он сам решил, что ему полезно» (Acta Maximil., 2, 3) и Максимилиана о солдатах-христианах: «Они знают, что для них лучше» (Acta Maximil., 2, 9). В этом можно увидеть сопоставление истинного христианина мученика Максимилиана и плохих христиан — солдат при дворе, но нам хотелось бы обратить внимание на другой момент: Максимилиан почти дословно повторяет слова отца. Нам кажется, что точно так же до того он повторял слова, услышанные от священника, а может быть, и своего отца — о других его единоверцах нам ничего не известно.

Если во многих мученичествах верующие принимают активное участие в процессе, поддерживая мученика, навещая его в темнице или присутствуя на суде, то здесь мы не видим никакого участия общины в происходящем. Это естественно для первой части текста, опирающейся на судебный протокол, но молчание о ней в конце «Акт» удивительно. Упоминается только отец Максимилиана, да и его реплику трудно назвать полноценной поддержкой; если бы не обращенные к нему слова мученика перед казнью и последние слова текста, можно было бы вообще усомниться, христианин ли он. Максимилиан говорит: «Возлюбленнейшие братья, спешите со всем мужеством, с жадной страстью достичь того, чтобы вам увидеть Господа и чтобы Он дал вам такой венец» (Acta Maximil., 3, 2), но к кому, кроме

отца, обращен его призыв — загадка, эти «возлюбленнейшие братья» ничем себя не проявили ни во время процесса и казни, ни после. Не община забирает тело мученика, а некая Помпеяна, о которой больше ничего не известно, отвозит его в Карфаген, чтобы похоронить рядом с погребением Киприана (Acta Maximil., 3, 4). Мы даже не знаем, была ли она членом той же общины, или просто присвоила право погребения мученика. Каким-то объяснением могли бы стать происходящие в то время гонения, но как уже было сказано, Диоклетиан начинает преследования позже, а проконсул Дион совершенно спокойно упоминает христиан, служащих в придворной гвардии. Возможно, причиной этого диссонанса основного текста и заключения является работа все того же неловкого редактора.

При прощании с отцом Максимилиан произносит: «Итак, когда я приму тебя в число ста, вместе с Господом будем радоваться» (Acta Maximil., 3, 3)³¹. Г. Музурилло переводит «в свою центурию» и по этому поводу замечает: «Как будто он будет на небесах служить центурионом»³². Некоторая курьезность этого комментария уже была отмечена другими исследователями: *centenarius* используется во множестве контекстов, в том числе и по отношению к военному делу, но нигде *centenarius numerus* и *centuria* не используются как синонимы, кроме того, даже если предположить, что этот вариант возможен, то откуда уверенность Максимилиана в том, что на небесах он будет именно центурионом³³? Очевидно, решение нужно искать в другой плоскости. П. Синискалько отметил, что 100 рассматривалось христианами как одно из самых совершенных чисел (Hier. Ep., 121, 6)³⁴. Вероятно, Максимилиан мог соотнести себя с заблудшей овцой из евангельской

³¹ sic cum centenario numero te suscipiam, et simul cum domino gloriemur

³² Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. P. 249.

³³ Boeft J., den, Bremmer J. Notiunculae Martyrologicae II // Vigiliae Christianae. 1982. Vol. 36. P. 393; 401.

³⁴ Siniscalco P. Massimiliano: un obiettore di coscienza del tardo impero. P. 25.

притчи, восполнившей число ста овец, что были изначально (Matt. 18, 12), и, таким образом, он приглашает отца присоединиться к стаду овец Господних. С другой стороны, здесь не менее, а на наш взгляд, и более вероятно параллель с другой притчей — о сеятеле, где говорится «иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Matt. 13, 8). А. Квакварелли показал, что на Западе существовало два варианта истолкования этой притчи. Согласно первому, стократный плод — это мученики, шестидесятикратный — девы, а тридцатикратный — истинные вдовы; сторонники второго варианта считали, что речь идет, соответственно, о девах, вдовах и состоящих в браке, но живущих в воздержании³⁵. Свидетельства Киприана («Первый плод стократный — это плод, приносимый мучениками; второй шестидесятикратный — принадлежит вам (девственницам — А. П.)» — Сург. De hab. virg., 21) и Иеронима (Hier. Ep., 123, 1) указывают, что здесь, конечно, идет речь о первом варианте, и в данном случае *cum centurio numero* означает «в число всех мучеников»³⁶. Это позволяет нам понять конец «Акт» — Виктор тоже стал мучеником.

Любопытна история с погребением Максимилиана. После казни Помпеяна забирает тело мученика у судьи (*de iudice*; кто именно имеется в виду под этим «судьей», непонятно, так как до того в тексте фигурировал только проконсул Дион). Она отвезла его в Карфаген и похоронила рядом с могилой Киприана, а через тринадцать дней и сама была там погребена. Мы ничего больше не знаем об этой женщине; совпадение ее имени с именем адвоката случайно. А. Бастиансен считает, что именно ее эпитафия стала одним из основных источников для заключительной части текста, об этом свидетельствует точное — до дня — указание времени жизни мученика, что находит параллели в других погребальных надписях (CIL III Suppl. 2. P. 2587). Впрочем, он тут же огова-

³⁵ Quacquarelli A. Il triplice frutto della vita christiana. 100, 60 e 30 Matteo XIII-8 nelle diverse interpretazioni. Roma, 1953.

³⁶ Boeft J., den, Bremmer J. Notiunculae Martyrologicae II. P. 394.

ривается, что эти данные могли оказаться плодом фантазии автора или редактора «Актов»³⁷. В связи с этими обстоятельствами возникают несколько вопросов. Прежде всего, как мы уже сказали, не совсем ясно, почему отец и община отдали тело Максимилиана для погребения в Карфаген. В конце III в. уже существует культ мучеников и известно о чудодейственной силе их останков, они становятся центром жизни общины, и это отмечают даже язычники; все общины стремились к тому, чтобы иметь у себя их могилы. Крайне маловероятно, что тело Максимилиана отдали так легко, потому что в африканском захолустье вроде деревни в окрестностях Тевесте уже был какой-то свой особо почитаемый мученик. Затем, нам сообщается, что она погребла его «у подножья холма у дворца, рядом с мучеником Киприаном» (Acta Maximil., 3, 4). Нам не известно, где находилась могила карфагенского епископа. Его «Акты» сообщают, что «Ночью же его тело было взято оттуда (из того места, где оно было выставлено напоказ язычниками. — А. П.) и принесено со свечами и факелами на кладбище Макробия Кандидиана прокуратора, которое находится у Мапалиенской дороги возле рыбных прудов, с молитвами и триумфом, где и похоронено» (Acta Сург., 5, 6). Очевидно, что дворец проконсула находился внутри города, по соседству с ним не было никаких рыбных прудов или цистерн, и погребение казненного христианина практически в центре города кажется крайне маловероятным³⁸. Э. Бенсон, обратившись к вопросу о расположении могилы Киприана, пытается примирить два этих свидетельства. Он полагает, что указание на дворец (*palatium*) — конъюнктура, возникшая в XIII в., когда было исправлено непонятное *platum*, которое изначально было *plateam*³⁹. Есть и другие варианты

³⁷ Atti e passioni dei martiri. P. 495.

³⁸ У П. Брауна эта могила превращается в «целую группу особых гробниц, окружавших могилу Киприана» (Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ. под ред. С. В. Месяц. М., 2004. С. 45).

³⁹ Benson E. W. Cyprian. His life. His time. His work. New York, 1897. P. 509–512.

прочтения этого места: *palacium, platanum, pluteum*⁴⁰, но ясно-сти они не добавляют.

Наконец, заслуживает внимания сам обычай захоронения рядом с мучениками, *depositio ad sanctos*. «Акты Максимилиана» — самое раннее его свидетельство («Акты Себастьяна», в которых он также упоминается, носят явно вымышленный характер). Т. Д. Барнс полагает, что этот обычай надежно засвидетельствован только в четвертом столетии — между 309 и 338 гг. три священника в Альтаве, что в Мавритании, были погребены рядом с мучеником Януарием⁴¹. С другой стороны, П. Браун, И. Дюваль и другие ученые считают, что это сообщение носит вполне надежный характер и отражает уже существовавшую в то время практику⁴². Археологически засвидетельствованные случаи *depositio ad sanctos*, приводимые Р. МакМалленом, относятся к середине — концу IV в.⁴³ Мы полагаем, что этот обычай возникает на рубеже III и IV вв. и в его упоминании здесь нет нужды видеть какой-то особый анахронизм. Однако не стоит упускать из виду, что он упоминается не в основном тексте «Актов», а в заключении, которое могло быть написано позже основного текста.

И. Делейе и Т. Д. Барнс полагают, что целью всего заключения является прославление не только и не столько Максимилиана, сколько Помпеяны и в какой-то степени Киприана⁴⁴. С его именем связана большая часть заключения, выходящего за пределы судебного протокола (после слов мученика «Благодарю Бога!»). Кроме захоронения у могилы Киприана,

⁴⁰ Atti e passioni dei martiri. P. 244.

⁴¹ Barnes T. D. Early Christian hagiography and Roman history. P. 382.

⁴² Браун П. Культ святых. С. 45–46; Duval Y. Au près des saint corps et âme. L'inhumation "ad sanctos" dans la chrétienté d'Orient et d'Occident du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1988. P. 52–55.

⁴³ MacMullen R. The Second Church. Popular Christianity, AD 200–400. Atlanta, 2009.

⁴⁴ Delehayе H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1966. P. 81; Barnes T. D. Early Christian hagiography and Roman history. P. 384.

можно указать на то, что призыв Максимилиана к братьям и его обращение к отцу (Acta Maximil., 3, 2–3) перекликается со словами Киприана из «О смертности» (26), и подобно тому, как Киприан оставляет 25 золотых палачу (Acta Сург., 5, 4), Максимилиан говорит отцу, чтобы он отдал приготовленную для него военную одежду солдату, который казнит его (Acta Maximil., 3, 3). Все это дает возможность отнести «Акты Максимилиана» к кругу североафриканских мученичеств, в той или иной степени испытавших влияние сочинений Киприана и рассказов о его жизни и смерти⁴⁵.

На основании всех этих анахронизмов и несообразностей — упоминания должности теонария, появившейся спустя почти век после описываемых событий, странной свинцовой таблички, захоронения рядом с Киприаном и др. — ставится вопрос о подлинности этого текста. Подозрения усугубляются из-за дополнительных обстоятельств. Во-первых, это позднее возникновение культа Максимилиана. Среди почти 200 североафриканских надписей, где упоминаются святые, нет ни одного упоминания Максимилиана, о нем молчат Августин, «Мартиролог» Иеронима и календарь Карфагенской церкви (но в нем утрачены все записи за март)⁴⁶. Первое упоминание о нем встречается в «Мартирологе» Флора Лионского (начало IX в.), что, конечно, очень поздно для святого III в. Во-вторых, это едва ли не дословное совпадение «Актов Максимилиана» с латинским переводом греческого «Мученичества Теагена» (ВНГ 2416; ВНЛ 8106; 8107)⁴⁷. Теаген пострадал при Лицинии, отказавшись от службы во II Траяновом легионе. Его допрос трибуном Зеликинфием и препозитом

⁴⁵ Atti e passioni dei martiri. P. 495; Dunn G.G. The Reception of the Martyrdom of Cyprian of Carthage in Early Christian Literature // Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter / Ed. J. Leemans. Leuven, 2010. P. 65–86.

⁴⁶ Duval Y. Loca Sanctorum Africae: Le Culte des Martyrs en Afrique du IVe au VIIe siècle. Rome, 1982.

⁴⁷ Woods D. The Origin of the Cult of St. Theagenes of Parium // Greek Orthodox Theological Review. Vol. 44. 1999. P. 371–417.

Посидонием очень похож на диалог Диона и Максимилиана. По мнению Д. Вудса, «Мученичество Теагена» составлено не ранее 384 г. и написано на греческом. Позже оно было переведено на латынь, причем о греческом варианте «Актв Максимилиана» нам ничего не известно, и отсюда следует, что с большой вероятностью автор «Актв» воспользовался «Мученичеством Теагена», чем наоборот.

Т. Д. Барнс, известный своим критическим отношением к раннехристианским источникам, все-таки считает возможным признать оригинальный характер этих «Актв». В пользу этого говорят несколько деталей. Прежде всего, указание консульства (*Tusco et Anolino*) содержит засвидетельствованный современными надписями вариант второго имени (*Annulinus*). Затем, это правильное указание имен императоров (*Acta Maximil.*, 2, 9). Наконец, проконсул Африки Дион — а нам известно об этом только из «Актв» — вполне мог занимать эту должность между своим консульством (291 г.) и исполнением обязанностей префекта Рима (296 г.)⁴⁸. Это вполне соответствует известным нам образцам карьеры видных римских администраторов в то время. В высшей степени невероятно, чтобы поздний автор, фальсифицирующий «Акты», смог соблюсти такую аккуратность в просопографических деталях. Первый вариант текста был записан вскоре после 295 г., однако затем он подвергся редактуре, обогатившей его уже указанными анахронизмами⁴⁹. Мы присоединяемся к этому мнению, добавив к нему разве что предположение, что редактур могло быть несколько, и каждый их редакторов внес свою порцию несуразностей и неточностей.

⁴⁸ Написание его имени как *Dion*, а не латинизированное *Dio*, в том случае, если мы принимаем версию о том, что он был внуком или правнуком историка Диона Кассия, напоминает о малоазийском происхождении этой семьи (*Acti e passioni dei martiri*. P. 492).

⁴⁹ Barnes T. D. *Early Christian hagiography and Roman history*. P. 385–386.

В настоящее время мы располагаем четырьмя рукописями «Акт»», которые датируются XI–XIII вв.⁵⁰ Перевод выполнен по двум последним изданиям: Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford, 1972. P. 244–249 с учетом *Atti e passioni dei martiri*; при составлении комментария во многом мы опирались на издание А. Бастиансена (*Atti e passioni...* P. 491–497).

АСТА МАХИМИЛИАНИ

1. В консульство Туска и Аннулина⁵¹, в четвертый день до мартовских ид, в Тевесте на форум⁵² был приведен Фабий Виктор вместе с Максимилианом, и было разрешено Помпею быть их адвокатом. Помпей сказал: «Фабий Виктор, сборщик военного налога, приведен⁵³ вместе с Валерианом Квинтианом, препозитом Цезарии (*praepositus Caesariensis*)⁵⁴, и годным рекрутом Максимилианом, сыном Виктора; поскольку он готов к призыву, я прошу, чтобы его измерили (*incumetur*)⁵⁵». 2. Проконсул Дион⁵⁶ сказал: «Как

⁵⁰ Подробнее о рукописной традиции см.: *Atti e passioni dei martiri*. P. 236–237.

⁵¹ Гай Анний Аннулин и Нуммий Туск были консулами в 295 г. После этого, будучи в должности проконсула Африки (303–305 гг.), Аннулин председательствовал на суде Феликса из Тибука и Криспины (*Mart. Crisp.*, 1; *PIR*², I, 632). Другие рукописи дают Anolino.

⁵² Имеется в виду место, где проходил процесс или сам суд.

⁵³ Бастиансен: «назначенный сборщиком...» (*Atti e passioni dei martiri*. P. 239; комм. 492).

⁵⁴ *Praepositus Caesariensis* — в данном случае, скорее, «препит Цезарии Мавританской», а не «уполномоченный императора».

⁵⁵ Значение глагола *incumetur* неясно. Скорее всего, он происходит от слова *incumma* или *epomma*, кальки греческого *ἔγκομμα* — стандартный рост солдата (*L&S* P. 925) или станок для измерения роста (Дворецкий. С. 508). Эта процедура была связана с измерением роста и определения подразделения, в которое следовало зачислить рекрута.

⁵⁶ Дион, возможно, внук или правнук историка Диона Кассия, был консулом в 291 г. и префектом Рима в 296 г. (*PLRE* I. P. 253). Срок его проконсульства в Африке, скорее всего, начался 1 июля 294 г. и закончился

тебя зовут?» Максимилиан ответил: «Зачем ты хочешь узнать мое имя? Мне не позволено служить, так как я христианин». 3. Проконсул Дион сказал: «Приготовьте его». Пока его готовили, Максимилиан ответил: «Я не могу служить; я не могу совершить грех. Я христианин». 4. Проконсул Дион сказал: «Измерьте его». Когда он был измерен, служитель сказал: «Пять футов, десять дюймов»¹. 5. Дион сказал чиновнику: «Приведите его к присяге». Максимилиан, по-прежнему упорствуя, ответил: «Я не сделаю этого. Я не могу служить».

2. Дион сказал: «Служи, иначе погибнешь». Максимилиан ответил: «Не буду служить. Отруби мне голову, я не служу миру сему, но служу своему Богу». 2. Проконсул Дион сказал: «Кто тебе это внушил?». Максимилиан ответил: «Моя душа и Тот, кто меня призвал». 3. Дион сказал его отцу Виктору: «Убеди (*consiliare*) своего сына». Виктор ответил: «Он сам знает, он сам решил, что ему полезно»². 4. Дион Максимилиану: «Служи и прими знак (*signaculum*) воина». Тот ответил: «Не приму этого знака (*signaculum*). У меня уже есть знак (*signum*) Христа, Бога моего»³. 5. Дион сказал: «Сейчас отправлю тебя к твоему Христу»⁴. Тот ответил: «Я даже хотел бы, чтобы ты сделал это. Это — слава для меня». 6. Дион сказал служителю: «Выдайте ему знак».

---

1 июля 295 г. Необходимо, однако, указать, что о его проконсульстве мы узнаем только из этих «Акт».

¹ Приблизительно 1 м 72 см. Согласно Вегецию, люди именно такого роста могли служить в кавалерии и первых когортах легионов (Veg. Ep. R. Mil., I, 5).

² Ср. Иоан. 9, 21–23.

³ Игра слов *signaculum*, военная печать, накладываемая на свинцовую *bull*a, и *signum*, знак Христа при крещении. Подробнее см: Malone E. The Monk and the Martyr. Washington, 1950. P. 112–116; Ysebaert E. Greek Baptismal Terminology. Its Origin and early development. Nymegen, 1962. P. 215, 422. Похожая игра слов встречается у Тертуллиана в «О венке» (11).

⁴ А. Бастиансен полагает, что Диону было знакомо учение христианин (*Atti e passioni dei martiri*. P. 492); это вполне возможно. Дион вполне мог сталкиваться с ними, впрочем, в конце III в. общее представление о христианстве было обычным явлением.

И тот, сопротивляясь, сказал: «Я не приму знак этого мира, и если поставишь печать, сломаю ее, так она ничего не стоит⁵. Я христианин, мне не позволено носить кусок свинца на шею после того, как я получил спасительный знак Господа Иисуса Христа, Сына Бога живого, Которого ты не знаешь, Который пострадал за наше спасение, Которого Господь послал за наши грехи⁶. Ему все мы, христиане, служим; за ним следуем как за князем жизни и источником спасения». 7. Дион сказал: «Служи и прими знак, иначе погибнешь мучительной смертью». Максимилиан ответил: «Не погибну. Мое имя уже перед Господом моим. Я не могу служить». 8. Дион сказал: «Вспомни о своей юности и служи. Ведь это подобает юноше». Максимилиан ответил: «Моя служба перед моим Богом. Я не могу служить этому миру⁷. Уже сказал: я — христианин». 9. Дион проконсул сказал: «В личной гвардии (*sacer comitatus*) господ наших Диоклетиана и Максимиана, Констанция и Максима⁸, есть солдаты-христиане, и они служат». Максимилиан ответил: «Они знают, что для них лучше. Я же христианин и не могу творить зло». 10. Дион сказал: «Какое же зло творят те, кто служит в армии?». Максимилиан ответил: «Ты же сам знаешь, что они делают». 11. Дион проконсул сказал: «Служи; если не согласишься на воинскую службу, мучительно погибнешь». Максимилиан ответил: «Я не погибну; и если уйду из этого мира, то моя душа живет с Господом моим Христом».

3. Дион сказал: «Сотрите его имя»⁹. И когда оно было стерто, Дион сказал: «Так как из-за неповиновения вла-

⁵ Вместо чтения *valet* (Ruinart, 341; Mabillon, 181; Musurillo, 246), Бастиансен предпочитает *valeo* — «я не гожусь <чтобы быть солдатом>» (*Acti e passioni dei martiri*. P. 493).

⁶ Ср. Act. 2, 22–24; Rom. 8, 32.

⁷ Ср. Matt. 6, 24; Luc. 16, 13.

⁸ Максимиан — Марк Аврелий Валерий Максимиан (август), Максим — Гай Галерий Валерий Максиммиан (цезарь).

⁹ Бастиансен полагает, что имеется в виду не военная табличка, а обвинительная табличка, которую зачитывал судья, а глагол *sterno*

стям ты отвергнул военную службу, то получишь соответствующий приговор в качестве примера для прочих»¹⁰. И с таблички прочел приговор: «Поскольку Максимилиан из-за неповиновения властям отвергнул военную присягу (*sacramentum militiae*), он приговаривается к казни мечом»¹¹. 2. Максимилиан ответил: «Благодарю Бога!». В этом мире он прожил двадцать один год, три месяца и восемнадцать дней. И когда его вели к месту казни, так сказал: «Возлюбленные братья, спешите со всем мужеством, с жадной страстью достичь того, чтобы вам увидеть Господа и чтобы Он дал вам такой венец». 3. И с радостным лицом так сказал своему отцу: «Отдай этому палачу мою новую одежду, которую ты мне приготовил для военной службы. Итак, когда я приму тебя в число сотни, вместе с Господом будем радоваться». И после этого он претерпел мученическую смерть. 4. И женщина по имени Помпеяна его тело от судьи взяла¹², и сначала поместив в своих покоях (*imposito in dormitorio suo*)¹³, затем перевезла в Карфаген и у подножья холма у дворца (*palatium*), рядом с мучеником Киприаном, похоронила; и через тринадцать дней эта женщина умерла и была там похоронена. 5. А его отец Виктор вернулся к себе домой с большой славой, благодаря Бога¹⁴, что такой дар послал Господу, сам же вскоре последовал за ним. Слава Богу. Аминь.

здесь в значении «записать» — «Запиши его имя. И когда его написали, Дион сказал...» (*Acti e passioni dei martiri*. P. 494).

¹⁰ Ср. *Acta Cypr.*, 3, 4–6.

¹¹ Ср. *Acta Cypr.*, 4, 3.

¹² А. Бастиансен *meruit*, «выкупила» (*Acti e passioni dei martiri*. P. 244; 496).

¹³ А. Бастиансен видит в *dormitorium* не спальню, а повозку с ложем, на котором Помпеяна перевезла тело Максимилиана в Карфаген (*Acti e passioni dei martiri*. P. 496); Т. Д. Барнс — усыпальницу, аналогично греческому *κοιμητήριον* (*burial-chamber* — Barnes T. D. *Early Christian hagiography and Roman history*. P. 383).

¹⁴ Ср. *1 Mach.* 4, 24.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Acti e passioni dei martiri* / Ed. by A.A.R. Bastiansen et al. — Vicenza: Fondazione Lorenzo Valle, 1987. — 615 p.
2. Babut E.C. *L'adoration des empereurs et les origines de la persécution de Dioclétien* // *Revue Historique*. 1916. T. 4. P. 225–252.
3. Barnes T. D. *Early Christian hagiography and Roman history*. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. — 437 p.
4. Battifol P. *Les premiers chrétiens et la guerre* // *Revue du clergé français*. 1911. T. 67. P. 222–242.
5. Benson E.W. *Cyprian. His life. His time. His work*. — New York: D. Appleton and Company, 1897. — 636 p.
6. Boeft J., den, Bremmer J. *Notiunculae Martyrologicae II // Vigiliae Christianae*. 1982. Vol. 36. P. 383–402.
7. Brock P. *Why did St. Maximilian refuse to serve in the Roman Army?* // *Journal of Ecclesiastical History*. 1994. Vol. 45. P. 195–209.
8. Burgess R.W. *The Date of the Persecution of Christians in the Army* // *Journal of Theological Studies*. 1996. Vol. 47. P. 157–158.
9. Cagnat R. *Cours d'épigraphie latine*. — Paris: Fontemoing, 1914. — 504 p.
10. Colombo A. *La problematica della guerra nel pensiero politico cristiano (dal I al V secolo)*. — Milan: Giuffrè, 1970. — 160 p.
11. Crescenti G. *Obiettori di coscienza e martiri militari nei primi cinque secoli del cristianesimo*. — Palermo: Flaccovio, 1966. — 320 p.
12. Delehaye H. *Mélanges d'hagiographie grecque et latine*. — Brussels: Societe des bollandistes, 1966. — 439 p.
13. Davies R. W. *Service in the Roman Army*. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. — 336 p.
14. Dölger F.J. *Sacramentum militiae. Das Kennmal der Soldaten, Waffenschmiede und Wasserwächter nach Texten frühchristlicher Literatur* // *Antike und Christendom*. Bd II. Münster: Aschendorff, 1930. S. 268–280.
15. Dunn G.G. *The Reception of the Martyrdom of Cyprian of Carthage in Early Christian Literature* // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / Ed. by J. Leemans. Leuven: Peeters Publishers & Booksellers, 2010. P. 65–86.
16. Durry M. *Vocabulaire militaire. Praepositus* // *Mélanges de philologie, de littérature et d'histoire anciennes offerts à Alfred Ernout*. Paris: C. Klincksieck, 1940. P. 129–133.

17. Duval Y. Au près des saint corps et âme. L'inhumation "ad sanctos" dans la chrétienté d'Orient et d'Occident du IIIe au VIIe siècle. — Paris: Institut d'Études augustinienne, 1988. — 223 p.
18. Duval Y. Loca Sanctorum Africae: Le Culte des Martyrs en Afrique du IVe au VIIe siècle. Vol. I-II — Rome: Ecole française de Rome, 1982. — 818 p.
19. Harnack A. Militia Christi. Die Christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. — Tübingen: Mohr, 1905. — 129 s.
20. Helgeland J. Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1979. Tl. II. Bd 23.1. S. 724–834.
21. MacMullen R. The Second Church. Popular Christianity, AD 200–400. — Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009. — 210 p.
22. Malone E. The Monk and the Martyr. — Washington: The Catholic University of America Press, 1950. — 157 p.
23. Maraval P. Les Persécutions durant les quatre premiers siècles du christianisme. — Paris: Desclée/Mame, 1992. — 164 p.
24. Quacquarelli A. Il triplice frutto della vita christiana. 100, 60 e 30 Matteo XIII-8 nelle diverse interpretazioni. — Roma: Edipuglia, 1953. — 127 p.
25. Romanelli P. Storia delle province romane dell'Africa. — Roma: 'L'Erma' di Bretschneider, 1959. — 720 p.
26. Seston W. A propos de la Passio Marcelli Centurionis. Remarques sur les origines de la persécution de Dioclétien // *Aux sources de la tradition chrétienne. Mélanges offerts à Maurice Goguel*. Paris: Delachaux & Niestte, 1950. P. 239–246.
27. Siniscalco P. Massimiliano: Un obietto di coscienza del tardo impero. — Torino: Paravia, 1974. — 184 p.
28. Still M. C. W. Roman Lead Sealings: Diss, 2 vols. Vol. 1. — London: University of London, 1995. — 236 p.; Vol. 2. London: University of London, 1995. — 532 p.
29. Swift L. J. War and the Christian Conscience I: The Early Era // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1979. Tl. II. Bd 23/1. S. 862–863.
30. Woods D. Two Notes on the Great Persecution // *Journal of Theological Studies*. 1992. Vol. 43. P. 128–131.
31. Woods D. St. Maximilian and the Jizya // *Hommages à Carl Deroux*. Vol. V: Christianisme et Moyen Âge, Néo-latin et survivance de la latinité / Ed. P. Defosse. Brussels: Latomus, 2003. P. 266–276.

32. Woods D. The Origin of the Cult of St. Theagenes of Parium // Greek Orthodox Theological Review. 1999. Vol. 44. P. 371–417.
33. Ysebaert E. Greek Baptismal Terminology. Its origins and early development. — Nymegen: Dekker & Van de Vegt, 1962. — 438 p.
34. Zuckerman C. Two reforms of the 370's: recruiting soldiers and senators in the divided Empire // Revue des études byzantines. 1998. T. 56. P. 79–139.
35. Банников А. В. Вегетий о системе комплектования римской армии // Мнемон. Выпуск 13. СПб., 2013. С. 263–276.
36. Берхем Д., ван. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. с франц. А. В. Банникова. — СПб.: Издательский дом СПбГУ; Акра, 2005. — 192 с.
37. Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ.; Под ред. С. В. Месяц. — М.: Росспэн, 2004. — 207 с.
38. Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 413–428.
39. Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия в первой половине III в. // Мнемон. Вып. 11. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. С. 329–350.